

УДК 94(47)“192/193”:002(09)

Д. А. Сафонов**Рабселькоры как явление советской действительности 1920—1930-х годов**

Существование добровольных рабочих и крестьянских корреспондентов в советский период всегда оценивалось в литературе как проявление инициативы масс и как безусловная новация советской прессы. Между тем реальные задачи, которые ставились властью перед народными корреспондентами, неоднократно менялись. На наш взгляд, период 1920—1930-х гг. — это не только время формирования собственно движения рабселькоров, но и определенной борьбы вокруг определения их базовых задач, завершившейся в итоге приданием рабселькорам фискальных функций.

Ключевые слова: газетные корреспонденты, инициатива, газеты, журналистика, письма с мест, система информирования.

В советской литературе рабочие и крестьянские корреспонденты традиционно воспринимались как новация советской журналистики, как достижение советского строя, как проявление творчества народных масс, а сами добровольные корреспонденты — как надежные помощники партии (см. напр. [28, 34]). Примеров конкретных работ огромное количество, но все они написаны в одном ключе, в одном идеологическом посыле — современные авторы, касающиеся данной темы, говорят даже о созданном в советское время стереотипе [36, с. 62]. Сложившийся за десятилетия советского периода массив работ, от научных до публицистических, однозначно установил оценки и подходы, в принципе исключающие не только разные точки зрения, но и возможные отклонения от базовой. Облик рабселькоров был успешно героизирован, даже мифологизирован. Известная фраза В. И. Ленина о том, что «газета — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор», легла в основу всего. Именно устоявшиеся стереотипы в отношении рабселькоров современные авторы считают помехой объективному изучению темы в постсоветский период, несмотря на прошедшие уже десятилетия существования новых идеологем.

Ощутимые изменения в лучшую сторону можно констатировать только на современном этапе. Авторы привлекает тема рабселькоров в отдельных регионах (Алтай [33], Орла [35], Тамбова [40]). Одних авторов рабселькоры интересуют как составная часть истории советской периодики, для других — это самостоятельный объект изучения. Так, тамбовский исследователь В. А. Скребнев, проанализировав их анкеты, предпринял попытку дать социально-демографическую характеристику этого явления [42]. Сразу укажем, что подобный анализ применительно к Оренбуржью дать не получается по причине узости источниковой базы. В целом нами обнаружено менее десяти анкет рабселькоров, что, разумеется, исключает их репрезентативность.

Современные авторы по-разному определяют основную задачу, которую решали рабселькоры в рассматриваемый период: кузница кадров для печати [47], «участники медийного процесса» [36, с. 62]. Так, Ю. Костякова пишет: «...главное, что давало рабселькорство, — возможность занятия умственным и творческим трудом, что, на наш взгляд, являлось основным фактором, способствовавшим интеллектуальному росту корреспондентов... В этом и заключается прогрессивное значение рабселькорского движения, его вклад в формирование российской интеллектуальной элиты» [36, с. 77].

Есть и иные точки зрения: так, Е. Маркасова полагает «сверхзадачей» «привлечение масс к социалистическому строительству» и достижение «смычки города и деревни»

© Сафонов Д. А., 2015

[37, с. 3]. В то же время ряд авторов справедливо обращает внимание на ощутимые перемены в целях и задачах. Так, японский историк Дз. Асаока заключает, что если в начале 1920-х годов рабселькоровское движение было прежде всего средством «интерактивной коммуникации» власти с населением страны, то к концу 1920-х годов оно «выродилось» в средство агитации «сверху» [29].

Достаточно любопытно суждение Ю. Костяковой, как бы примиряющее ее мнение, приведенное выше, с идеей «вырождения»: рабселькорство возникло как «порыв души», как «стремление сказать правду всем», а затем оно было взято под руководство партией, а потом — под опеку прокуратурой; но при этом, по ее мнению, определяющим была все-таки «возможность проявить творческую инициативу, продемонстрировать политическую сознательность, желание добиться справедливости или славы» [36]. И наконец, есть аргументированная точка зрения А. А. Слезина, полагающего главным определяющим моментом периода превращение рабселькорства в часть института политического контроля [43, 46]. По его мнению, это произошло прежде всего по причине острого кадрового голода в надзоре за местными органами [45, с. 2529].

В региональной историографии тема специально не разрабатывалась. Некоторые наблюдения и публикации документальных материалов были сделаны нами в монографии «Периодика Оренбургского края» в 2004 г. [39]. Круг источников темы в регионе ограничен: прежде всего это газеты, а из архивных материалов по региону есть небольшой архив газеты *Орские известия* (в Государственном архиве Оренбургской области) и материалы газеты *Землероб* (Бузулук) (в Центре документации новейшей истории Оренбургской области).

Действительно, можно говорить о феномене рабселькорства — положение, когда сотни тысяч писали в газеты, не имело аналогов ранее. Принципиально новым в эти годы является становление сети корреспондентов с мест: были «селькоры», «рабкоры», «юнкоры», «военкоры», «милкоры» (милицейские корреспонденты), «камкоры» (камерные, например в журнале Оренсправдома *Мысль заключенного*, 1925), «пинкоры» (пионерские...) и многие иные.

В советской историографии все это многообразие оценивалось как признак именно советской печати, кардинальным образом отличающейся от буржуазной. И с этим тезисом трудно не согласиться, поскольку задачи советской печати действительно кардинально отличались от задач печати прежней поры.

На вопрос — зачем инициировалось создание сети добровольных корреспондентов — ответить сложно, поскольку единого, базового, документа, который четко и однозначно определял бы цели и задачи рабкоровского движения, не существовало. Зато даже в рамках очень ограниченного периода — около двадцати лет — мы имеем ряд текстов и положений, не во всем согласующихся между собой.

Так, в 1921 г. был создан весьма любопытный документ — «Инструкция корреспондентам РОСТА», изданная Киргизским краевым отделением РОСТА в Оренбурге за подписью заведующего Киротделением РОСТА Ст. Пилаца. Там, в частности, говорилось: «На долю деревенских корреспондентов ложится задача освещать хозяйственную и духовную жизнь деревни с указанием успехов в области строительства заводов, фабрик, мастерских и пр. и успехов в области массового просвещения. По вопросу запашки земли корреспонденты должны отмечать в своих сообщениях: а) сколько запахано паров... если мало, то почему; б) как и в каком размере земли красноармеек; в) состояние сельского инвентаря и меры самих крестьян к улучшению хозяйства; г) нужды крестьян, их причины, возникающие беспорядки» [32, с. 4]. Бросается в глаза, что кодовое слово здесь — «успехи». Есть свидетельство из 1924 года: весной в село Гавриловку Оренбургского

уезда приехали на работу совпартшкольцы и, кроме прочего, создали стенную газету *Луч в деревне*. Задачи были определены так: освещение быта, молодежи, семьи, деревни, бичевание всех ненормальностей, встречающихся в работе сельсовета, освещение всех мероприятий и достижений соввласти в сельском хозяйстве и т.д. [23]. Тогда же, в 1924 г., И. Сталин в беседе с сотрудником журнала «Рабочий Корреспондент» подчеркнул, что рабочие и сельские корреспонденты «способны сыграть в ходе развития печати роль выразителя и проводника пролетарского общественного мнения, обличителя недостатков советской общественности, неутомимого борца за улучшение нашего строительства» [49, с. 261].

В дальнейшем на первый план выдвигается задача борьбы с кулачеством в деревне, и в этой борьбе селькорам отводится важная роль. На 1-м Бузулукском уездном съезде корреспондентов газеты *Землероб* 15 ноября 1924 г. прямо прозвучало, что селькоры ведут «борьбу против поднимающего голову кулачества и вообще темных сил деревни» [6, л. 1].

Мысль о том, что селькоры в первую очередь были настроены против кулаков, звучит у многих современных авторов, но не все обращают внимание на то, что после победы колхозного строя эта задача была как бы выполнена и потому рабселькоры были переориентированы на новые цели. 4-е всесоюзное совещание рабселькоров в декабре 1928 г. объявило, в частности, юнкоровское движение «главнейшей формой массового вовлечения молодежи в борьбу против классового врага» [21].

В 1936 г. *Оренбургская коммуна* провозглашала, что «центральная задача рабкоров и селькоров сегодня — самое активное их участие в борьбе за развертывание стахановского движения» [30]. Первое областное совещание рабселькоров в феврале 1938 г. призвало «беспощадно разоблачать врагов народа, решительно бороться за устранение недочетов, мешающих дальнейшему укреплению могущества нашей страны, смело развертывать критику на страницах газет»: «Рабселькоры должны быть помощниками наших славных наркомвнудельцев. Рабселькоры должны всемерно помогать органам НКВД» [13].

То, что областная газета транслировала общепартийные и общегосударственные установки, не вызывает сомнения. Но помимо общих установок существовали местные инициативы. Стоит обратить внимание на слова И. Сталина из вышеупомянутой беседы: «Обучать рабочих и сельских корреспондентов некоторому минимуму техники журналистики, конечно, необходимо. Но основное не в этом. Основное состоит в том, чтобы рабочие и сельские корреспонденты обучались в ходе своей работы и вырабатывали в себе то чутье журналиста-общественника, без которого корреспондент не может выполнять свою миссию и которое не может быть привито какими-либо искусственными мерами обучения в техническом смысле этого слова» [49, с. 262].

Тем не менее оренбургская газета *Смычка* во второй половине 1920-х гг. постоянно вела учебу рабкоров, причем именно технике журналистики; давались советы по предпочтительным темам сообщений (например, в феврале 1927 г. отдел «Рабочей жизни» указывал «рабкорам и рабкоркам»: «Сейчас нужно давать материал о нарушении колдоговоров, подготовке к строительному сезону и к международному дню работниц» [16]); регулярно помещалась переписка с рабкорами; велся раздел «“Смычка” помогла»; в «Уголке рабкора» давались пояснения, как подбирать материал, делать верстку газеты [17, 18].

У советской прессы 20-х годов было два критерия эффективности работы: тиражи и количество рабселькоров [48, с. 110]. Обобщенных данных об их количестве нет; имеющиеся сведения разновременны и плохо поддаются учету. Так, известно, что *Оренбургский рабочий* в 1923 г. имел даже губернское бюро рабселькоров на выборных началах.

10 июля 1924 г. было создано бюро рабкоров в Каширинске. Есть данные 1924 года о подобном же бюро в *Советской степи*: оно объединяло более 40 рабкоров в Главных железнодорожных мастерских, более 20 — на Орлесе. Два раза в месяц все раборцы собирались на общее собрание в редакции [24]. Весной 1926 года это бюро было распущено, а руководство рабселькоровским движением возложено на заведующего рабочим отделом. С октября 1927 г. для тех же целей был выделен специальный работник. Съезд селькоров провели в 1924 г. *Орские известия*. В газете *Смычка* поначалу рабкоров было всего 2—3 десятка, на сентябрь 1925 г. — уже 193 человека, в октябре 1927-го — 300. Было организовано более десяти рабкоровских ячеек по предприятиям, специальный женский рабкоровский кружок из делегаток первого района. Были созданы специальные курсы по подготовке руководителей рабкоровских кружков и редколлегий стенгазет. На Ташкентской железной дороге таких кружков было около двадцати; общее количество рабкоров — 1200—1300 человек. *Пахарь* получил около 15 тысяч рабселькоровских заметок [15]. По данным *Смычки*, ежедневно отдел получал от 15 до 30 рабкоровских писем. При этом заметки положительного свойства составляли только 30%. До 75% общего числа заметок использовалось, прочие рассылались на доследование. Согласно имеющемуся списку корреспондентов *Орских известий* на 1924 г., рабкоров было 28 человек, селькоров — 125 человек [3, л. 3—4].

Важно отметить, что в тот период власти строжайше требовали реагирования на газетные публикации: так, циркуляр НКЮ КССР от 13 октября 1924 г. требовал от прокуратуры поддержания тесной связи «с органами советской печати — путем проверки и расследования разного рода газетных заметок, содержащих в себе указания на признаки каких-либо преступлений или проступков». Нарком потребовал «систематически информировать органы печати о результатах дознаний, следствий и судебных процессов, возникших по газетным статьям» [8, с. 478]. Несколько позже другой циркуляр (от 22 апреля 1925 г.) требовал «срочно разрешать в судах все дела, возникающие по газетным заметкам, чтобы между сообщением о преступлении и разрешением возникшего дела в суде не проходило столь долгого времени, как это наблюдается на местах». Вот типичный отклик на публикацию тех лет: «Помощник прокурора по Орскому уезду. 12 мая 1925 г. В редакцию Орской газеты. По заметке, помещенной в № 32 вашей газеты, “Сельсовет — каких мало” мною передано милиции через ст. милиционера произвести проверку действительности заметки. Пом. оренгубпрокурора Камачатный. Секретарь Яковлев» [4, л. 10].

Проверка результативности газетных публикаций была одной из форм обязательной отчетности каждой газеты. Так, в отчете о «движении газетных заметок» *Орских известий* с 1 октября 1924 г. по 1 апреля 1925 г. указывалось, что на их основании возбуждено 20 уголовных преследований; запрошено объяснений по 12 заметкам. Из них прекращено за недоказанностью 10, предано суду — 1. За период с 1 апреля по 1 октября 1925 г. оставались незавершенными расследования по 21 заметке, новых возбуждено 94. Закончено было 64. На основании «возбужденных заметок» предано суду 12, разрешено «в порядке предложений» — 19, наложено административное взыскание — по 6, прекращено за недоказанностью — 27. При этом «возбужденные заметки падают на» членов кооперации — 8, ВИКов — 5, сельсоветов — 21, «К. К-ов» — 11, сотрудников милиции — 5, медперсонал — 5, прочих должностных лиц — 19, частных лиц — 39, священников — 1 [2, л. 50]. В период с 1 октября 1925 г. по 1 января 1926 г. возбуждено 92, окончено 58 дел. Сигналы поступали на кооперацию — 4, сельсоветы — 4, «К. К-вы» — 6, медперсонал — 1, прочих должностных лиц — 13, частных лиц — 7, налоговую комиссию — 1, комиссию по выявлению объектов обложения — 2 [2, л. 50 об.]. В период с 1 января по 1 апреля 1926 г. — 90 дел. Разрешено было в порядке разъяснений — 1, за маловажно-

стью преступлений — 1, подтвержденных, но производство прекращено за отсутствием состава преступления — 14, за недоказанностью — 10, передано в суд — 16, отстранено от должности — 1. По содержанию претензий выстраивалась следующая картина: на нерегистрацию и незастрахование батраков — 9, неправильное распределение земельных наделов — 3, действия органов милиции — 2, бесхозяйственность в кооперативных органах — 7, бездеятельность заготовительных и сыпных пунктов — 5, на самогонщиков — 3, пьянство представителей деревенской власти — 6, продажу товаров выше этикетной цены — 3, насильственную выдачу в замужество — 1, на действия К.К.О.В. — 2, деревенский аборт — 1, различные разоблачения (засилье кулаков и т.д.) — 9 [2, л. 51].

В *Смычке* приводились данные, что по разделу «Рабочая жизнь» за год было получено 1665 рабкоровских заметок. Вывод был дан большими буквами через всю полосу: «Рабкоры писали не зря. Десятки и сотни лиц понесли должное наказание за свои проступки» [19]. В сентябре 1928 г. *Смычка* проанализировала работу ряда стенных газет — критерий оценки работы был все тот же: кувандыкская стенгазета *Будильник* — «заметок разоблачительного характера помещено 29, не подтвердилось 2, по остальным приняты меры»; газета *Сигнал* станции Сара — «обличительных заметок 20»; орская стенгазета *Строитель* — «обличительных заметок помещено 16» [20]. Реагирование на газетную информацию было приведено в итоге в систему. В Бугуруслане в 1930 г. выходил специальный *Бюллетень рабселькоровских заметок газеты «Пахарь»*. Страницы обложки отпечатаны типографским способом; на второй странице обложки дана выписка из циркуляра Верховного Суда РСФСР о том, что фамилии корреспондентов не подлежат разглашению, на третьей — под показательным заголовком «Ни одной разоблачительной заметки без расследования» — приведен соответствующий приказ Народного комиссариата юстиции. Уже это показывает целевую направленность издания. В каждом номере были небольшие заметки с подписями разного рода: фамилиями, инициалами, псевдонимами — вроде «член сельсовета». В каждом конкретном случае присутствовала итоговая строчка в скобках, указывающая, от кого должен поступить ответ, например: «ответ — микушинского рика». Тексты группировались по разделам: «Организационно-хозяйственное строительство колхозов», «Животноводство», «Семфонды», «Раскулачивание», «Агркультпход», «Партжизнь и комсомол» [5].

Позднее, в 1935-м, областная *Оренбургская коммуна* «в целях большего и лучшего использования писем рабселькоров» ввела у себя с декабря «Листок действия», где планировалось печатать письма, которые по тем или иным причинам не могут быть напечатаны собственно в газете. Назначение листка — «помогать партийным, хозяйственным и другим организациям, предприятиям и учреждениям, колхозам и совхозам устранять те препятствия, которые мешают их нормальной созидательной работе». «Листок действия» будет направляться в организации тех предприятий и учреждений, колхозов и совхозов, о которых идет в нем речь. Эти организации должны вывешивать «Листок действия» на видном месте, немедленно принимать по нему меры и не позднее как через 3 дня после его получения сообщать о принятых мерах редакции». За срыв «листка действия» виновным гарантировалось преследование по постановлению пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1931 года в уголовном порядке [10].

Что представляли собой сообщения с мест? Очевидно, что они были далеко не равноценными. И было бы странно ожидать от малограмотных авторов литературных или профессиональных журналистских текстов¹. Аморфность общих поставленных задач

¹ В качестве примера приведем часть письма, отправленного в *Землероб* Николаем Булановым — «Гвоздем» (орфография и пунктуация оригинала намеренно сохранены. — Д. С.): «2-го февраля 1925 г. г-не д. Луговой поехали в с. Ново-Алексеевку как говорится молодых повенчать, т.е. к попу, по религи-

(«освещать успехи», «разоблачать недостатки») побуждала авторов самим определять, что относить к успехам, что к недостаткам. В материалах *Орских известий* сохранилось много писем, которым, что называется, хода не дали. В массе своей это были слухи и опровержения таковых. Так, заметка под названием «Семья ударилась в проституцию» была полна пикантных деталей и подробностей; кстати, и подписана она была — «Видевший комсомолец». В материалах *Землероба* непринятые письма имеют любопытные ремарки работников редакции, например: «Почтовый ящик. Р.К.И.И. «О разводах». Не пойдет, так как нет ничего определенного. Если хотите писать просто стихи, попробуйте еще на определенную тему из крестьянской жизни» [7, л. 10].

Или еще пример: неизвестный автор прислал заметку «Примерный вожак», сообщая, что вожатый пионерского отряда влюбился в пионерку: «...в этом деле разбиратца этот вожак видно не учит пионеров к подготовки комсомола а учит насчет любви и знакомства девушки с мальчиком не обходимо ему и ей прижать хвост»¹. Редакционная ремарка: «“Примерный вожак” не пойдет. Так как жожака уже сняли за такие штуки» [7, л. 17].

Достаточно быстро крестьяне увидели в письмах в газету не только путь разрешения конфликтов, но и способ сведения счетов. Для примера приведем несколько заметок одного автора — некоего Г. Думбравы из Ащибутака (сохраняя его орфографию): «Западный ветер как раз поддул землянку Кожевникова виду того что ветер подул, Кожевнику в голову надул, Кожевников ворчал жену свою прогнал. Долго ли скоро к ней нишол на новобрачный пир пошол стали они пит и батрачески деньги пропивать. Пропили денги батрака ну и досвиданія тогда шли перувать батрака стали отсибя прогонять. Г. Д.» [3, л. 48].

«Кожевникова неправда. Проживает в поселке Ащибутаке товариш Кожевников извесной плуататор батраков. Однажды с кожевником случилось как уже известно в редакции. С адной стороны товарищу Кожевнику стыдно врать что у него слепые окна которых у них и не было. Кожевников век проживает но неправду ещо с себя невыживает долой неправда даздрастует правда. Г. Думбрава» [3, л. 53].

«В отдел труда. Ащибутак. В один из осенних дней 4 сентября подхожу я Г. Думбрава к отделу труда и что увидел возле отдела труда лежит в траве с курившей попиросой В. Курунов Г. Д. спросил а чего это ты здесь лежиш? Был тонкий протяжной голос ты чего пришел сюда я: я пришел в отдел труда взысканию скожевника Г. плату проработано мною сизонработу пашню тогда я ему нужен был атипер нинада. Да ия уего проработал сизон работы пока убор хлеба атипер ненужон так давай мы пойдём вместе в отдел труда да пожалуемос. К щастю нашел я уего обнаружил утаеный посев 7 десятин. Он нитолько нидает нам зар плату, но и государству он повидима недает раз скрывает посев. И пошли мы батраки вотдел труд. Г. Думбрава» [4, л. 54—54 об.].

Итак, что же мы видим? Судя по всему, наш автор батрачил на Кожевникова, но тот денег не заплатил. И если поначалу были призывы к совести, то в третьем письме налицо политическое обвинение — в утаивании посева.

Конечно, подобное сигнализирование обо всем не могло нравиться окружающим. В местной прессе регулярно, но крайне неконкретно рабселькоры намекали на постоянные преследования и, соответственно, трудности, а сами газеты столь же общо и неконкретно рассуждали о недовольных. Нам встретилось единственное предметное упоминание

оному обкрутить, и чтож вышло дело спором, поп назначил цену 7 р. за венчание, стали батю просить чтобы скостил. Жених был батрак, платить не чем, батюшка говорит хоть брюки продай до мне отдай, с меня говорит поп кузнец взял за лошадь 1 руб. только подковать за четыре ноги, к случаю был и кузнец в поезде, кузнец говорит попу, батюшка вы не ровняйте труд кузнеца со своим. У кузнеца уголь куплен и инструмент, а у вас ни чево... ваш батя труд легкий...» [7, л. 4, 5].

¹ Здесь и далее выдержки из писем рабселькоров приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации. — Д. С.

ние: «На мельнице “Работник” комсомолец Петр Сергеев советует некоторым рабкорам, чтобы они не писали в стенгазету: “Не нужно писать про свою братву”» [22].

Расхожей темой стали жалобы на преследования корреспондентов со стороны администрации, требования и призывы к их защите. На 1-м Бузулукском уездном съезде корреспондентов газеты *Землероб* в 1924 г. неоднократно ставился вопрос о выдаче селькорам оружия [6, л. 2, 3].

Власти — центральные и местные — активно культивировали особость добровольных корреспондентов. Весьма высоко о них отзывались лидеры партии и государства; например, Л. Троцкий назвал рабкора «рычажком культурного подъема» [25]. Многозначительно название материала 1925 г., распространяемого РОСТА: «Селькор — помощник партии и власти». Так же о себе говорили и они сами: «...мы, как первые помощники партии...» [14]. Девятая Орская уездная партконференция вынесла особое решение: «Придавая колоссальное значение печати и принимая во внимание участвовавшие случаи убийств и покушений на селькоров и рабкоров, взять их под покровительство советских органов через соответствующие органы, в то же время ведя им учет на предмет выдвижения на общественные работы в деревне» [1, л. 154].

Наркомат юстиции КССР разослал специальный циркуляр «В защиту рабочих и сельских корреспондентов», где отмечалось, что ввиду увеличения в последнее время количества дел об убийствах, избиениях, увольнении с должностей в учреждениях и других притеснениях сельских и рабочих корреспондентов за их разоблачения в печати и встречающихся «затруднений на местах при квалификации этого рода преступлений при производстве предварительного следствия предлагаю принять к руководству следующее:

1. В тех случаях, когда литературная деятельность сельского или рабочего корреспондента учитывается редакцией печатного органа или стенной газеты, и когда совершение или организация убийства, а равно и избиение корреспондента за разоблачения в печати с тяжелыми последствиями для жизни последнего имели место в контрреволюционных целях (часть 2, ст. 57, У.К.), то данное преступное деяние надлежит квалифицировать по статье 64 У.К.

2. Когда убийство корреспондента или избиение его совершено из корысти, других низменных побуждений и вообще личных целей, то есть в тех случаях, когда таковое было совершено не в связи с его деятельностью как корреспондента, по обстоятельствам дело должно квалифицироваться по ст. 142—154 У.К.

3. В случае увольнения корреспондента администрацией с должности из учреждения или с работы предприятия за разоблачения в печати, а равно и другие административные действия должностных лиц, сознательно направленные к воспрепятствованию литературной деятельности корреспондента, — таковое деяние должно рассматриваться как должностное преступление и квалифицироваться через ст. 10 по 1 ч. 105 ст. У.К., лишь в случаях смягчающих вину обстоятельств — по 2 ч. той же ст. У.К.

4. В тех случаях, когда дознанием или следствием будет установлено, что увольнение корреспондента было проведено не в связи с его корреспондентской деятельностью, в уголовном порядке дело производством прекращается на общих основаниях и вопрос увольнения передается на рассмотрение по союзной линии.

5. В целях наибольшего оживления прокуратуры по газетным заметкам предлагается, во-первых, в тех случаях, когда происходят съезды или совещания рабочих и сельских корреспондентов, ставить на таковых, а также на широких рабочих собраниях доклады прокуратуры на вопросы, связанные с деятельностью ее в связи с газетными заметками, например о количестве подтвердившихся и неподтвердившихся сообщений, о характере разоблачений, о допускаемых неправильностях в сообщениях, о скорости протяжения

расследования, о заметках в отношении виновных и т.д.; во-вторых, проявлять инициативу по периодическому созыву рабкоровских совещаний, в-третьих, установить строгий учет всем газетным корреспондентским заметкам в целях систематического наблюдения за ходом расследования по ним; в-четвертых, принять решительные меры к скорейшему окончанию расследований по газетным заметкам; в-пятых, широко освещать вопрос как на сельских сходах, так и [через] местную печать о возможности суровой репрессии против лиц, покушавшихся на рабочих и сельских корреспондентов; в-шестых, чтобы законченные следствием или дознанием дела по газетным заметкам рассматривались без замедления.

6. О всех случаях убийств, избиений или насилий над рабочими [корреспондентами] или селькорами, а равно и представителями низового советского аппарата, как то: работниками волисполкомов, кооперации, комитетов взаимопомощи, учителями, избачами и т.п. — немедленно доносить в Отдел прокуратуры Н. Ю., причем в донесении надлежит точно указывать обстоятельства дела, место проведения, мотивы преступления, личные или в связи с общественной деятельностью потерпевшего, социальное и служебное положение обвиняемых, а также в каком положении находится следствие по этому делу. Аналогичные донесения губпрокуратуры должны незамедлительно получать от своих участковых помощников. Кроме того, во всех случаях помещения в газеты заметок о вышеуказанных происшествиях, или таковые заметки не соответствуют действительности, губпрокуратуры также должны доносить в Отдел прокуратуры Н. Ю. с точным изложением обстоятельств дела» [27].

Показателен комментарий к данному циркулярному распоряжению, написанный помощником прокурора республики Зубовым. Он отмечал, что циркуляр является «грозным актом предостережения для тех оголтелых чиновников, укрывшихся в советском аппарате, и разнуждавшихся кулаков деревни и аула, которые по своей общественно опасной психологии больше чем кто-либо другой расположены к грубому самоуправству над рабочими и крестьянскими корреспондентами за помещаемые в печати разоблачения кулацко-чиновничьих не порядков, неправд, насилий, бесчинств, расточительности народного достояния и т.п. преступлений».

И далее разъяснялось, что «самоуправство над корреспондентом за его публичные разоблачения перечисленных преступлений по существу является не только грубым уголовным актом физического насилия над личностью общественного деятеля, каковым является корреспондент, но и открытым контрреволюционным нападением (!!) темной своры на одно из крупных политических завоеваний Октябрьской революции — советскую печать. Защита личности корреспондента, а равно охрана законами прав его корреспондентской деятельности — есть защита прав свободного существования свободной советской печати. Вот почему советское законодательство объявляет беспощадную войну нападающим. Рабочий и сельский корреспондент, призванный коммунистической партией и советской властью на помощь к чистке госаппарата и общественных организаций от скрытых акул и единомышленников заграничной белогвардейщины, не смущаясь гибелью своих братьев по перу, сумеет выполнить свой долг справедливого борца и культурника советской общественности, в тесном союзе с советской юстицией одержит полную победу над политическими врагами советской печати» [27].

Уместно указать, что за рассматриваемый период в Оренбуржье не было отмечено ни одного конкретного случая сведения счетов с рабселькорами.

Неудивительно, что многие рабселькоры воспринимали свой статус и значимость весьма расширительно: «Я буду категорически утверждать, что спецы как были врагами рабкоров, так и останутся. Может быть, из тысячи только найдется один, который пой-

дет об руку с рабкором. Вот мои наблюдения над спецами Орлеса. Сколько ни старались рабкоры сблизиться с ними, везде встречали отбой. Нигде не получишь точной и нужной справки, везде отверчиваются, не хотят даже разговаривать. Сколько раз давались им хозяйственные указания рабкорами (!!!), но они и слышать не хотели их. Например, не раз указывалось, что нужно пропускать всего бревенника на брусья на горбыля, так как Киргизии горбыль нужен, а когда гонят весь бревенник без горбыля, получается большая поломка, также уходит в дрова, а тем временем пилы и наждаки портятся. Вообще надо заметить, что спецы брезгают рабкоровскими заметками. Думаю, не лучше обстоит дело и на других предприятиях. По моему, надо крепче и хлеще клеймить таких спецов. Как-никак это их подтягивает. Дружбы же от них не жди. Вот мое мнение о спецах» [26].

Придание политической значимости личности рабкора, чрезмерная и демонстративная защита его со стороны власти, безнаказанность и одновременно нездоровое культивирование доноительства в итоге привели к плачевным результатам. Добровольный корреспондент не стал в итоге доморощенным журналистом; созданная сеть рабкоров не улучшила систему сбора информации; именно тогда «написать в газету» стало серьезной угрозой. Нелепо думать, что с таким подходом впоследствии, в атмосфере репрессий и доносов, письма в газеты не сыграли своей печальной роли. Позднее, в 1937-м, когда началась вакханалия поисков врагов, среди прочих обвинений, предъявляемых журналистам, было нереагирование на сигналы с мест и даже уничтожение писем читателей. Тогда же, когда «враги» находились везде, их, разумеется, нашли и в редакции *Оренбургской коммуны*. Как писалось потом в газете, в редакции существовала «шайка троцкистско-бухаринских предателей, которую выпестовал бывший редактор газеты Колесниченко, исключенный третьим пленумом обкома ВКП(б) из партии как незаслуживающий политического доверия». Среди грехов бывшего редактора было то, что он «умышленно засорял аппарат редакции, окружил себя врагами партии, врагами народа», глушились сигналы трудящихся, помещались статьи врагов, «печатались явно антисоветские очерки, допускались нарочитые опечатки, помещались извращенные портреты» [11]. Неудивительно, что и письма сообщали чаще не о трудовых проблемах, но о неразоблаченных врагах — показателен «обзор писем трудящихся» с заголовком «До конца выкорчевать вражеские элементы» [12]. В принципе условия для доносов были созданы почти идеальные — достаточно было просто написать письмо в газету, а далее газета переправляла его по нужному адресу. При этом и газета, и итоговый адресат просто не могли не отреагировать, поскольку сами в итоге рисковали попасть под обвинение.

В этом отношении любопытно обратить внимание на момент, связанный с псевдонимами рабселькоров. В отношении защиты настоящих имен авторов власти проявляли особую заботу. Справедливости ради следует отметить, что в первой половине 1920-х годов, судя по оренбургской прессе, псевдонимами пользовались едва ли не все писавшие в газете, т.е. и журналисты, работники газет. Но там постепенно перешли на подписи, а вот у рабселькоров они не только остались, но были законодательно защищены.

У некоторых авторов были действительно интересные псевдонимы — Шивырданчик, Пацан, на фоне кажущихся традиционными Шило, Глаз и проч. На наш взгляд, самой впечатляющей следует признать подпись «Кресткор Серж». Ранее уже упоминалось о создании совпартшкольцами в с. Гавриловка стеной газеты. Об этом на страницах губернской газеты сообщил селькор под псевдонимом «Працоун», особо отметивший, что «все корреспонденты газеты скрываются в подполье, то есть скрываются под всевозможными псевдонимами» [23].

В 1925 г. Верховный суд категорически предложил повести суровую борьбу со всеми, кто разглашает имена рабселькоров — как представителями административных

органов, так и в процессе производства дознания: «разглашение имени корреспондента или содержания заметок, передаваемых им для расследования, изъятие, скрывание и уничтожение рабселькоровских писем, — рассматривалось соответственно по 104 п. «в» или 117, 1 ч. 106 и 92 ст. ст. УК (заключение на срок от 6 месяцев до одного года)» [9, с. 92—93].

В начале февраля 1925 г. *Советская степь* опубликовала циркуляр Верховного Суда РСФСР, в котором указывалось, что лица, разглашающие имена авторов рабкоровских и селькоровских заметок, будут привлекаться к ответственности как за уголовное преступление. Положение это было распространено даже на редакционные коллегии стенных газет. В комментарии *Советской степи* подчеркивалось: «Как бы ни была мелочна заметка, редколлегия не должна сообщать имена авторов никому кроме прокуратуры и ГКК, и то только в тех случаях, когда нет другого выхода. ... Каждая редакционная коллегия стенной газеты должна знать, что сказать кому-либо имя автора значит уже сделать уголовное преступление. Каждый рабкор, военкор, селькор, если он знает автора, писавшего заметку, не должен об этом распространяться. Имя автора заметки должно быть в секрете» [24]. Тем показательнее, что в 1937 г. на страницах газет началась кампания **против** псевдонимов. Причем аргументация стала иной — «псевдоним был полезен революционным писателям и вождям, которые преследовались царизмом. Полезно селькорам и рабкорам, чтобы скрыть свою фамилию от классового врага, проделки которого разоблачались» [31].

Следует признать, что рабселькоров безусловно переориентировали на разоблачения. По факту эти их обязанности были удивительно близки обязанностям фискалов петровской поры: иметь тайный надсмотр над всеми делами; следить за тем, не учинился ли где-либо неправый суд, не совершалось ли незаконного «в сборе казны и прочего»; «кто неправду учинит» (указ 5.3.1711 г.). Указ 17.3.1714 г. обязывал фискалов «разоблачать всякие преступления указов, всякие взятки и кражи казны и все то, что может повести «ко вреду государственного интереса» [38]. Нечто подобное мы наблюдаем и здесь.

Нам представляется, что единой, изначально заданной концепции применения корреспондентов с мест не существовало; громкие фразы в директивных документах и выступлениях вождей о важной роли, неоценимой помощи были общи и политизированы; истинная роль рабкоров властями на местах понималась по-разному, и уже тем более сложно было понимание «своей роли» самими корреспондентами с мест, среди которых были самые разные люди — от достойных до недостойных, от искренне веривших в свое высокое политическое предназначение до графоманов и интриганов.

По мере того как функции народного контроля, опосредуемые через периодику, однозначно перешли к другим структурам, поменялась и суть советской периодики: все издания, любого масштаба и уровня стали звеньями в единой системе трансляции нужных идеологем. Как следствие, поменялись и задачи корреспондентов с мест. В этом смысле показательное резкое изменение отношения к псевдонимам.

Сохранившийся и впоследствии, практически до конца советского периода нашей истории, институт рабочих и крестьянских корреспондентов на последующих временных этапах воспринимался уже иначе, прежде всего как творческая инициатива с мест, т.е. произошло своеобразное возвращение к исходно задекларированным целям и ценностям, к «ленинским» принципам народной журналистики. Этот подход позволил выстроить в общественном сознании неразрывную и неизменную цепь, что, в свою очередь, позволило как бы «утерять» не дающую повода для гордости страницу истории советской печати 1920—1930-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 28.
2. ГАОО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 42.
3. ГАОО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 46.
4. ГАОО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 48.
5. Филиал Государственного архива Оренбургской области в г. Бугуруслане. Ф. 224. Оп. 3. Д. 56—60.
6. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННО). Ф. 4094. Оп. 1. Д. 1157.
7. ЦДНННО. Ф. 4094. Оп. 1. Д. 1424.
8. Вестник рабоче-крестьянского правительства Киргизской социалистической советской республики (Оренбург). 1924. № 19.
9. Ежемесячник советской юстиции (Москва). 1925. № 6.
10. Оренбургская коммуна. 1935. 9 дек.
11. Оренбургская коммуна. 1937. 9 окт.
12. Оренбургская коммуна. 1938. 1 янв.
13. Оренбургская коммуна. 1938. 24 февр.
14. Пахарь. 1929. 26 апр.
15. Пахарь. 1929. 5 мая.
16. Смычка. 1927. 16 февр.
17. Смычка. 1927. 2 июня.
18. Смычка. 1927. 12 окт.
19. Смычка. 1928. 20 мая.
20. Смычка. 1928. 25 сент.
21. Смычка. 1929. 1 марта.
22. Смычка. 1929. 23 авг.
23. Советская степь. 1925. 30 янв.
24. Советская степь. 1924. 1 февр.
25. Советская степь. 1924. 17 авг.
26. Советская степь. 1925. 11 февр.
27. Советская степь. 1925. 13 февр.
28. Алферов В. Н. Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М. : Мысль, 1970. 304 с.
29. Асаока Дз. Крестьянская печать и селькоровское движение в период нэпа // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 111—121.
30. Горелик Б. Стахановское движение и рабселькоры // Оренбургская коммуна. 1936. 5 мая.
31. Дубровин. Отмирание псевдонимов // Оренбургская коммуна. 1937. 16 февр.
32. Инструкция корреспондентам РОСТА. Оренбург, 1921.
33. Кидяева Г. В. Развитие корреспондентской сети в сельской местности Алтая во второй половине 1920-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири : пятые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина : сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 170—171.
34. Кожевников Г. А. Партия — организатор рабселькоровского движения в СССР (1917—1937). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 120 с.
35. Кондратенко А. И. Активисты Орловской печати: грани эволюции социальной и политической группы // Социс. 2009. № 5. С. 102—107.
36. Костякова Ю. Б. Рабочие и сельские корреспонденты: оценка с позиций интеллигентоведения (на материалах Хакасии и Горного Алтая) // *Intelligentsia and the World = Интеллигенция и мир*. 2012. Issue 3. P. 60—78.
37. Маркасова Е. «Селькор под обстрелом»: стереотипы враждебного окружения и жертвенности в «коммуникационном завоевании» деревни (1920—1930-е гг.) [Электронный ресурс] // *Культура и власть в условиях коммуникационной революции*. М., 2002. URL: <http://www.iek.edu.ru/groups/airo/markas.pdf>.
38. Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. № 2331; Сайт Конституции Российской Федерации: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2007/>
39. Сафонов Д. А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург : Оренб. губерния, 2004. 504 с.
40. Скребнев В. А. Становление рабселькоровского движения в Тамбовской губернии (1921—1928 гг.). СПб. : Нестор, 2006. 106 с.
41. Скребнев В. А. Становление местной партийно-советской печати и рабселькоровского движения в Тамбовской губернии, 1917—1928 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.

42. Скребнев В. А. Рабселькоровское движение Тамбовской губернии: социально-демографическая характеристика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 10, ч. 2. С. 182—184.
43. Слезин А. А. Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8, № 3. С. 544—548.
44. Слезин А. А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13, № 3. С. 821—825.
45. Слезин А. А. Рабселькоры и советское государство 1920-х годов: особенности взаимозащиты // Право и политика. 2008. № 10. С. 2529—2537.
46. Слезин А. А., Арестова А. А. Задачи рабочих и сельских корреспондентов в воззрениях советских лидеров 1920-х годов // Вопросы современной науки и практики / Ун-т им. В. И. Вернадского. 2012. № 2 (40). С. 247—253.
47. Смирнова С. Ю. Становление и развитие профессиональной подготовки журналистских кадров в Республике Марий Эл: история и современность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 2008. 28 с.
48. Средне-Волжская область : сб. материалов к 1-й Областной Конференции ВКП(б) и 1-му Областному съезду Советов. Самара : Временное Бюро ЦК ВКП(б) и организ. комитет Ср.-Волж. обл., 1928.
49. Сталин И. В. Беседа с сотрудником журнала «Рабочий Корреспондент» // Сталин И. В. Сочинения. М. : ОГИЗ ; Гос. изд-во полит. лит., 1947. Т. 6. С. 261—263.

Поступила в редакцию 25.05.2015 г.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDC 94(47)“192/193”:002(09)

D. A. Safonov

“Rabselkory” (worker and peasant correspondents) as a phenomenon of Soviet reality of 1920—1930s

The existence of voluntary worker and peasant correspondents in the Soviet period has always been evaluated in the literature as a manifestation of the initiative of the masses and as an absolute innovation of the Soviet press. Meanwhile, the real tasks that were set to the people’s correspondents by the authorities changed many times. In our opinion the period of 1920—1930 is not only the formation of the proper motion of such workers, but also a certain struggle over the definition of their basic tasks, which ended up with giving them fiscal functions.

Key words: newspaper correspondents, initiative, newspapers, journalism, letters from the field, information system.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru